

Споръ о Бакунинѣ и Достоевскомъ. (Статьи Л. П. Гроссмана и Вяч. Полонскаго). 1926.

Книга, вышедшая подъ этимъ заглавіемъ, — исключительно интересна, хотя читать ее не очень пріятно. Это — діалогъ двухъ отличныхъ изслѣдователей, состязующихся въ нерѣдко довольно мелочной «методологіи» и явно не желающих — или въ своемъ увлеченіи, не могущихъ понять другъ друга до конца и сдѣлать, тамъ, гдѣ это нужно, взаимныя уступки 1). Но въ процессѣ состязанія они все же вынуждаются углубиться въ предметъ спора и попутно даютъ множество чрезвычайно важныхъ соображеній и замѣчаній. Гроссманъ началъ съ утвержденія, что М. А. Бакунинъ былъ «прототипомъ» Ставрогина, насчитавъ «20 чертъ сходства» въ характерѣ и въ обстоятельствахъ жизни того и другого и заявить, что «Бѣсы» были зачаты Достоевскимъ въ тотъ моментъ, когда онъ увидѣлъ и услышалъ Бакунина на Женевскомъ Конгрессѣ Мира въ 1868 г. Полонскій этотъ тезисъ уничтожилъ. Самой важной частью всей книги мнѣ представляется та статья Полонскаго, въ которой онъ вскрываетъ литературный генезисъ «Бѣсовъ». Первоначально — романъ - сагира и несомнѣнно «романъ съ ключомъ»: карикатуры на множество живыхъ людей 2) — не только на нигилистовъ, на Тургенева, но на представителей всѣхъ общественныхъ слоевъ и теченій. Ставрогина и лицъ, органически съ нимъ связанныхъ (Лиза, Кириловъ, Марія Тимофеевна, Маврикій Никол.) еще нѣтъ. Они вторгаются потомъ, изъ «Житія великаго грѣшника» — этого общаго лона всѣхъ большихъ романовъ Достоевскаго. Въ «Бѣсахъ» два плана и два стиля: трагедія въ рамкахъ «балана».

Разбивая по мѣрѣ развитія спора аргументы Гроссмана, отстаивающаго свой тезисъ на всѣ лады, Полонскій удачно вскрываетъ внутреннее противорѣчіе аргументаціи противника: Гроссманъ насчитываетъ на рядѣ вышнихъ, буквальныхъ чертъ сходства Ставрогина и Бакунина. Когда ему указываютъ, что это сходство — вымышленное, кажущееся, онъ отвѣчаетъ тѣмъ соображеніемъ, что вѣдь Бакунинъ только «прототипъ» и что художникъ не фотографъ. Когда же ему ставятъ вопросъ, почему-же онъ думаетъ, что Б. былъ этимъ «прототипомъ», онъ опять возвращается къ своимъ «20-ти пунктамъ». Онъ съ самаго начала плохо поставилъ вопросъ. Сдѣлавъ случайно наблюдение, онъ положилъ его въ основу цѣлой теоріи о генезисѣ «Бѣсовъ».

1) Косвеннымъ образомъ Гроссманнъ все-же это сдѣлалъ. Полонскій вынудилъ его признать, что подлинный «прототипъ» Ставрогина — скорѣе петрашевецъ Спѣшневъ. Благодаря этому, въ концѣ появился очень цѣнный этюдъ Гроссмана, — справка о Спѣшневѣ и о его отношеніяхъ къ Достоевскому. Спѣшневъ былъ одно время «демонномъ» Достоевскаго, сильно повлиявшимъ, повидному, на развитіе его невѣрія (о борьбѣ невѣрія съ вѣрою въ душѣ Д. — превосходная страница у Полонскаго).

2) Полонскій даетъ интереснѣйшіе примѣры этого.

Теорія оказалась ложной. Значить-ли это, что Гросманъ кругомъ неправъ и что Б. вообще никакого отношенія къ Ставрогину не имѣеть? Я считаю, что всѣ усилія Полонскаго доказать, что Достоевскій ничего не зналъ о Б. и о его отношеніи къ дѣлу Нечаева, безплодны, ненужны (развѣ только, что этикъ онъ заставилъ Гросмана подобрать лишній матеріалъ для доказательства обратнаго) и совершенно неудачны. Почти бы подлежникъ сомнѣнію, что Достоевскій видѣлъ и слышалъ Бакунина въ Женевѣ, что у него было сколько угодно средствъ и возможностей собрать свѣдѣнія о Бакунинѣ, что онъ не могъ не интересоваться такимъ человѣкомъ и что, работая надъ «Бѣсами», очень и очень думалъ о немъ. Наблюденіе, легшее въ основу неудачнаго построенія Гросмана, исполнѣе правильно. Бакунинъ, конечно, не «прототипъ» Ставрогина и Ставрогинъ не «портретъ» Бакунина. Эмпирически, это два разныхъ лица, двѣ судьбы, два характера. Но въ умопостижимомъ планѣ они совпадаютъ. Каждый, по своему, они, — воплощенія одной идеи. Ставрогинъ не революціонеръ и не хочетъ имъ быть (Полонскій), но, могъ-бы возразить Гросманъ, — «метафизически» — развѣ это существенно? Отрицатель Бога, онъ еще болѣе страшный нежели Бакунинъ. И какъ Бакунинъ, онъ томится своимъ религіознымъ безсиліемъ и создаетъ для другихъ больше, чѣмъ для себя, религію «народа-богоносца». Шатовъ и Кирилловъ — два зеркала, въ которыхъ одинаково вѣрно отражены двѣ діалектическихъ стадій «идеи» Ставрогина-Бакунина (см. объ этомъ цѣнныя сопоставленія Гросмана 1). И Верховскій-Нечаевъ, конечно, его «обезьяна».

Гросманъ хочетъ показать, что Ставрогинъ и «портретно» (т. е., внѣшнимъ обликомъ) похожъ на Бакунина. Удивительно, какъ это онъ пропустилъ въ источникахъ одно указаніе, которое для него замѣшило бы всѣ остальные (къ тому же, всѣ — мало подходящія).

«Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, прожитыхъ семействомъ Александра (Герцена) въ Москвѣ, въ числѣ многихъ лицъ бывалъ у нихъ и М. А. Б. (акунинъ), съ которымъ всѣ говорили какъ-то робко, тономъ ниже, иные находили въ его фигурѣ что-то дерзкое, вызывающее; лицо матовой бѣлизны, непріятно порождало при короткихъ, курчавыхъ черныхъ волосахъ». (Восп. Т. П. Пассекъ, II. 3) Вотъ она ставрогинская «маска»!

Въ психологическомъ искусствѣ Достоевскаго особенно поразительно пристрастіе къ выискиванію самыхъ затаенныхъ душевныхъ «возможностей» и къ установленію, на основаніи этого, самыхъ неожиданныхъ сближеній, иногда — лишь намекомъ, выдвигая какую-нибудь общую внѣшнюю черту, получающую, такимъ образомъ, значеніе символа. «Маска» — лицо и Свидригайлова, и — жалкаго бѣсенка, Ламбера...

Позволю себѣ еще нѣсколько — разрозненныхъ — замѣчаній. въ

1) Равнымъ образомъ, убѣдительно сопоставленія, дѣлаемая Гр. о впечатлѣніи, производимомъ на людей Бакунинимъ, съ тѣмъ, которое въ романѣ производитъ Ставрогинъ: сложное чувство влеченія, обаянія и антипатіи.

связи съ темами и вопросами, затронутыми въ «Спорѣ». Переносомъ въ «сыромъ» видѣ фотографически — или почти — точныхъ чертъ дѣйствительности, чертъ-символовъ, Достоевскій пользовался широко. Ома Опискинъ, конечно, не Гоголь, но что Гоголь и его роль въ семьѣ Аксаковыхъ отчасти пародируются въ «Селѣ Степанчиковѣ», — было давно указано. 1)

Но почему сблизилъ Достоевскій Ому Омиача со Степаномъ Трофимовичемъ? Почему и «Грановскаго» изобразилъ онъ «почетнымъ приживальщикомъ», почему и для него использовать мотивъ - символъ «ухода»? Что-то общее, какъ видно, подглядѣлъ онъ въ цѣломъ поколѣнн...

Расширимъ на минуту поле наблюдений, не выходя, однако, изъ круга «замѣчательнаго десятилѣтя». Тургеневъ чуть-чуть не поставилъ своего «Бакунина» къ Ласунской въ положеііе, аналогичное тому, въ какомъ «Грановскій» находится по отношенію къ генеральшѣ Ставрогинной, а, значить, и — «Гоголь» — въ Степанчиковѣ. А символъ «ухода»? Рудинъ въ ожиданіи лошадей: «... мнѣ все равно, поѣду въ Тамбовъ...» «Было что-то безпомощное и грустно - покорное въ его нагнутой фигурѣ...» И потомъ опять: встрѣча съ Лежневымъ на станціи и окончательный «уходъ» — въ тьму осенней ночи. ...

Въ концѣ романа Тургеневскій «Бакунинъ», на всемъ протяженіи его напоминающій скорѣе «Грановскаго», уже прямо превосхищаетъ «Бакунина» Бѣсовъ: «этотъ Полонъ былъ Дмитрій Рудинъ...» «Гражданинъ Кантона Ури висѣлъ» и т. д...

Оба умираютъ «по иностранному паспорту»... 2)

По мнѣнію Полонскаго, «Бѣсы» до нѣкоторой степени пародируютъ «Отцовъ и Дѣтей» («Споръ», стр. 172). Дѣйствительно, «Бѣсы» — какъ-бы отвѣтъ на Тургеневскій романъ и углубленіе проблемы. Было-бы интересно прослѣдить, какъ, параллельно, — и какъ различно! — Тургеневъ и Достоевскій разрабатываютъ сходныя темы, мотивы, образы (ср. еще тему «незаконнорожденнаго») — одинъ для

1) Не знаю, было-ли когда либо сдѣлано сопоставленіе сцены, гдѣ Ома, вернувшись со своего побѣга, требуетъ малаги (малаги бы я выпилъ теперь — простовалъ Ома. — Малаги? Наверя-ли у насъ и есть — сказала дядя, съ безпокойствомъ смотря на Прасковью Ильиничну». Когда-же сберегавшаяся для Омы малага принесена, Ома уже дѣлаетъ видъ, что не замѣчаетъ и въ отвѣтъ на упрощанья дяди ломается: «не надо мнѣ вашей малаги» и т. д.), съ рассказомъ Панаева объ ужинѣ съ Гоголемъ у Комарова. Отъ всего, предлагавшагося ему, Гоголь отказался, но попросилъ — рюмку малаги. А ея-то какъ-разъ и не было. Хозяинъ послалъ искать по лавкамъ. Когда принесли, Гоголю уже расхотѣлось, и хозяину едва удается умолить его выпить. (Литературныя Воспом. 1888, стр. 309).

2) Конечно, каждый развиваетъ этотъ символъ по своему: какая жестокая иронія въ этомъ сопоставленіи величаваго слова: «Гражданинъ Кантона Ури» съ тѣмъ страшнымъ, жалкимъ и позорнымъ, что слѣдуетъ далѣе: «висѣлъ тутъ-же за дверцей!»

соціального романа, другой — для историко-философского, для романа мистерии. 1)

И вот что замѣчательно: при всѣхъ — колоссальныхъ — расхожденіяхъ, и Тургеневъ понялъ Бакунина, конечно, тоже «умопостигаемого», «Бакунина-идею», — не-революционеромъ, не-дѣятелемъ, «бабьимъ пророкомъ». И его смерть, смерть на баррикадѣ, не «судьба», а простая случайность, или **насмѣшка «судьбы»**. Она ничѣмъ въ романѣ не мотивирована, и это несомнѣнно — намѣренно: карьера «эмпирическаго» Бакунина, какъ-бы хочеть сказать Тургеневъ, — есть «метафизически» недоразумѣніе, и его революціонное «качество» нисколько не «существенно». Его «Бакунина» прежде всего «безпріютный скиталецъ» въ поискахъ Правды, образъ, типъ, окончательно просвѣтленный художнической интуиціей въ изумительномъ чеховскомъ разсказѣ «На Пути», несомнѣнно навѣянномъ эпизодомъ послѣдней встрѣчи Рудина съ Лежневымъ.

П. Бицilli.

E. V. Radloff: Russische Philosophie. Вь серіи «'edermanns Bücherei». Abteilung: Philosophie, herausgegeben v n Ernst Weidmann. Breslau, 1925. Стр. 152, съ 14 портретами.

Появленіе на нѣмецкомъ языкѣ очерка исторіи русской философіи, при томъ въ серіи, рассчитанной на широкое распространеніе въ кругахъ неспеціалистовъ, является глубоко симптоматичнымъ. Это первая попытка ознакомить широкіе круги нѣмецкихъ (да и только ли нѣмецкихъ) читателей съ развитіемъ русской мысли. Для этихъ широкихъ круговъ читателей, конечно, ничего не давали ни очеркъ, краткій и то устарѣвшій, въ исторіи философіи **Ибервега**, ни появившееся въ 1922 г. *Einführung in die Geschichte der Philosophie des Auslandes* С. Güttler'a. (Мюнхенъ), въ которомъ русской философіи посвящено 5 страницъ (изъ 220), притомъ переполненныхъ ошибками и курьезами (достаточно сказать, что Сковорода стоитъ въ рубрицѣ «Вліяніе Шеллинга и Гегеля»), — тѣмъ большая отвѣтственность лежала на авторѣ этого очерка и на его нѣмецкомъ издателѣ и редакторѣ — лейпцигскомъ профессорѣ Э. Бергманѣ. Въдѣ очеркъ исторіи русской мысли не только можетъ разсчитывать въ Германіи на извѣстный **интересъ** читателей, но и удовлетворитъ совершенно опредѣленную конкретную **потребность**. Переводная съ русскаго языка литература (въ томъ числѣ и отдѣльныя философскія работы) столь сейчасъ въ Германіи значительна, что для нѣмецкаго читателя яв-

1) Къ «Философско-историческимъ» темамъ можно было бы присоединить и чисто психологическія: «Лишний Человѣкъ» (въдѣ Чулкатуринъ вовсе не «соціальная категорія»; ею «лишний человѣкъ» станетъ лишь позже) — герой «Записокъ изъ Подполья»; Любовь отца и сына къ одной жепшинѣ («Первая Любовь» — «Браты Кара», «Подростокъ»).